

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 448–458
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 448–458
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-448-458>, EDN: CHHVSU

Научная статья
УДК [342.24+323.1](47+57)

Национально-территориальное устройство СССР: «мина замедленного действия» или «исторический компромисс»?

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Аннотация. В статье предпринята попытка опровергнуть широко распространенное в историографии мнение о том, что форма организации СССР, состоящего из разных по статусу этно-территориальных образований, явилась одним из главных факторов распада единого государства. Утверждается, что идея федерализации России принадлежала не большевикам, а национальным партиям и движениям, требовавшим признания их права на национально-территориальную автономию. Обосновывается положение о том, что национально-территориальный принцип внутреннего устройства советского государства способствовал как сохранению и укреплению национальной идентичности советских этносов, так и созданию гражданской нации в форме советского народа как новой исторической общности.

Ключевые слова: федерация, национально-территориальная автономия, союзная республика, автономная республика, этнос, национальная политика, советский народ как новая историческая общность

Для цитирования: Мякшев А. П. Национально-территориальное устройство СССР: «мина замедленного действия» или «исторический компромисс»? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 448–458. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-448-458>, EDN: CHHVSU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The national-territorial structure of the USSR: A “time bomb” or a “historical compromise”?

A. P. Myakshv

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anatoly P. Myakshv, myakshv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Abstract. The article attempts to refute the widespread opinion in historiography that the form of organization of the USSR, consisting of ethno-territorial formations of different status, was one of the main factors in the collapse of a single state. It is argued that the idea of federalization of Russia did not belong to the Bolsheviks, but to national parties and movements that demanded recognition of their right to national-territorial autonomy. The article substantiates the position that the national-territorial principle of the internal structure of the Soviet state contributed both to the preservation and strengthening of the national identity of Soviet ethnic groups and to the creation of a civil nation in the form of the Soviet people as a new historical community..

Keywords: federation, national territorial autonomy, Union republic, autonomous republic, ethnos, national policy, Soviet people as a new historical community

For citation: Myakshv A. P. The national-territorial structure of the USSR: A “time bomb” or a “historical compromise”? *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 448–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-448-458>, EDN: CHHVSU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С момента распада Советского Союза в отечественной историографии наблюдается неприятие самой национально-территориальной формы устройства советской федерации. Еще в начале 1990-х гг. академик В. А. Тишков заяв-

лял: «Основной причиной распада СССР как многоэтничного государства явилось угнетенное и дискриминируемое положение нерусских народов, культура и идентичность которых подвергались насильственной деформации в целях

реализации официальной концепции «слияния наций» и конструирования единого «советского народа»» [1, с. 9]. В канун празднования 100-летия образования СССР популярность приобрела идея квалифицировать специфику его национально-государственного устройства «бомбой замедленного действия». Профессор Высшей школы экономики И. Б. Орлов объяснял этот образ созданием четырех «имперских ловушек»: «Введение в российское пространство значительных фрагментов других культур; создание в лице национальных кадров питательного бульона для национализма; разрыв между индустриальным северо-западом страны и традиционным юго-востоком; унификация и русификация, создавшие почву для антирусских настроений» [2]. Директор фонда «Историческая память», научный сотрудник Института российской истории РАН А. Р. Дюков «мину замедленного действия» усматривает в форме организации СССР «как сложного государственного образования, состоящего из разных по своему статусу этно-территориальных образований». По его мнению, эта форма «не только предопределила границы, по которым распалось государство, но и стала важным дестабилизирующим фактором в годы горбачевской перестройки» [3, с. 397].

На наш взгляд, во-первых, положение о специфичности внутреннего деления советского государства по этно-территориальному принципу как главной причине распада СССР («мине замедленного действия», «взорвавшей» советский проект) является упрощением, сама исследуемая историческая структура представляется оторванной от конкретно-исторической ситуации, в рамках которой ей было «суждено» сложиться и развиваться. Во-вторых, данный декларируемый историками и политиками подход находится в явном противоречии с исторической логикой: асимметричная российская федерация, по сути являющаяся «калькой» советской иерархической федерации, рассматривается как оптимальный путь разрешения межнациональных противоречий в Российской Федерации. «Признавая» нежизнеспособность внутреннего устройства СССР, исследователь «вынужден признать» и бесперспективность, даже обреченность, идентичной конструкции из национально-территориальных и административно-территориальных образований в России.

Цель данной статьи – попытка доказать, что модель иерархической федерации, построенной на национально-территориальном принципе, не только не делало советский проект нежизнеспособным, но и представлялась в сложившихся конкретно-исторических условиях оптимальным вариантом восстановления исторической России в ее имперских границах, а также попыткой осуществить в рамках единого государства как процесс «массового» нацистроительства, так

и формирование гражданской нации под названием «советский народ». Незавершенность процесса создания гражданской нации и этническая мобилизация сконструированных центром национальных элит в форме массового сецессионистского движения в годы перестройки не может служить доказательством неудачи российского федерализма. Наоборот, национально-территориальный принцип, заложенный в основу РФ, демонстрирует историческую уникальность государства-цивилизации Россия.

Идея трансформировать Российскую империю в федерацию отнюдь не большевистский проект. Это требование исходило от мобилизуемых национальных элит в условиях нарастания всеобъемлющего революционного кризиса в империи. Включение, наряду с общими гражданскими правами и свободами в Манифест 17 октября 1905 г., положения о праве на создание национальных организаций, развитие национальных связей и агитации свидетельствует о невозможности царского правительства более игнорировать факт недовольства существующим положением в этноконфессиональной сфере. Указ о веротерпимости, который, подтверждая доминирующее положение православной церкви, устранял дискриминацию в отношении остальных существующих в России конфессий, демонстрировал готовность империи перейти к политике уступок и гибкого прагматизма.

Автономистские настроения с этого момента стали превалировать среди национальных партий. Идеалом демократической партии Литвы стала «свободная, никому не подчиняющаяся демократическая республика Литвы», а ближайшей целью – «широкая демократическая автономия этнографической Литвы с сеймом в Вильне» [4, с. 74]. Польская социалистическая партия ставила своей ближайшей задачей «преобразование русского государства» в демократическую республику, в которой Польша получала «широкую автономию с законодательным сеймом» [4, с. 73]. Такой же позиции придерживалась Украинская демократическая партия: «установить конституционный строй в Российском государстве с признанием за каждой народностью и областью права на политическое и культурное самоопределение и самоуправление во всех областях жизни в пределах своей территории при соблюдении общеимперских основных законов» [4, с. 81]. «Закавказская демократическая и федеративная республика» позиционировалась в программе «Армянской революционной партии – Дашнакцутюн» как «составная часть России – республики федеративной». Грузинская революционная партия социалистов-федералистов требовала для Грузии «до утверждения всероссийской федерации» – «национальной территориальной автономии» [4, с. 104].

Кадеты предполагали нечто подобное сегодняшней «асимметричной» федерации: в Цар-

стве Польском – «автономное устройство с сеймом», а для Финляндии – «особенное государственное положение», когда всякие «мероприятия, общие Империи и Великому Княжеству Финляндскому, должны быть впредь делом соглашения между законодательными органами Империи и Великому Княжества» [4, с. 117]. Среди социалистических партий выделялись эсеры, признававшие «более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями» [4, с. 58]. «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд)» будущее России усматривал в преобразовании российского государства «в федерацию национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от обитаемой ею территории» [4, с. 85–86].

Представляется, что именно в этих требованиях П. А. Столыпин увидел угрозу единству России. Реформатор полагал, что обновленная Россия должна стать единым экономическим, правовым, политическим и социокультурным пространством. Финляндия и Польша должны были, по мысли Столыпина, быть не только равноправными, но и равнообязанными частями этого пространства. А движение к единству и равноправию должен был, по его мнению, возглавить русский народ – ядро российской государственности. Именно поэтому русскими приоритетами был наполнен его закон о земствах в западных губерниях. Заботой о русском единстве можно объяснить факт провала правительства законопроекта 1908 г. о начальном обучении украинцев на родном языке, поскольку, как было объяснено на совещании в 1911 г., белорусы и малороссы – не инородцы, поэтому обучение можно вести на русском языке. «Способы решения национальных и конфессиональных проблем Столыпин искал на пути правового “выравнивания” гражданских и политических прав и свобод различных национальностей и конфессий, распространения на всю территорию России местного самоуправления, с постепенной передачей ему функций исполнительной власти» [5, с. 230]. Представляется, что программа реформ Столыпина имела целью создания в России единой гражданской нации без какого-либо национально-территориального размежевания.

На наш взгляд, февральский переворот 1917 г. продемонстрировал совпадение целей и интересов двух мощных политических сил, окончательно сформировавшихся, хорошо структурированных и финансируемых: буржуазно-либеральной оппозиции, тесно поддерживаемой британскими спецслужбами, и национальных движений, идеологическое и всякое иное воздействие на которые из-за границ Российской империи не вызывает сомнений. В интересах этих политических сил были ослабление и уничтожение сильного имперского центра, что и обеспечивало в «единой и неделимой» империи

«сецессионистский взрыв», подобный «национальному взрыву» в СССР в конце 1980-х гг.

Именно после Февраля стало более последовательным и настойчивым требование преобразования России в федеративную демократическую республику с национально-территориальной автономией населяющих Россию народов. По сути накануне Октября практически все национальные партии предложили некий вариант сегодняшнего СНГ – «союза» независимых государств, преимущественно реализующих в своей внутренней политике концепцию «приоритета титульного этноса». Наиболее показательной в этом отношении являлась программа воссозданной в апреле 1917 г. Украинской партии социалистов-федералистов, предлагавшая преобразовать Российское государство в «демократическую федеративную республику, в которой Украина должна занимать место отдельного штата» [4, с. 190]. При этом «всё движимое и недвижимое имущество» «в пределах Украины, в том числе государственные железные дороги, капиталы и права военного и морского ведомств» предполагалось передать «в собственность украинской казны». Делопроизводство и образование, по замыслу партийных идеологов, переводились на украинский язык, а Православная церковь в границах Украины объявлялась автокефальной [4, с. 194].

Следует отметить, что накануне Октябрьской революции национальные движения и партии озаботились «определением» своих этно-территориальных границ. Так, в марте 1917 г. Белорусский национальный съезд, провозгласивший «единственной возможной формой государственного устройства Российской державы» федеративную республику, «ядром Белоруссии» объявил Минскую, Могилевскую, Витебскую, Гродненскую и Виленскую губернии Российской империи [4, с. 202]. Партия Алаш, ратовавшая за то, чтобы «каждое государство, являясь самостоятельным», полагала, что «автономия казахов слагается из областей, населенных ими» [4, с. 243]. Границы будущих «воображаемых субъектов» Российской федерации, по замыслу сепаратистов, могли располагаться и на исторической территории Московского государства. Так, Национал-демократическая партия Латвии, определившая «неделимую территорию Латвии» в рамках «Курляндии, южной части Лифляндии (Рига, Венден, Вольмар, Валкский уезд, остров Руно) и Латгалии (Режицкий, Люцинский и Двинский уезды Витебской губернии)», заявляла, что «границы Латвии в Ковенской и Псковской губерниях устанавливаются по этнографическому принципу, причем все области, большинство населения которых составляют латыши, присоединяются к Латвии посредством референдума». Также «к территории Латвии» были отнесены «Рижский залив и часть Балтийского

моря, прилегающая к этой территории» [4, с. 207]. Популярность набирали и панисламистские настроения. Мусаватисты требовали национально-территориальной автономии для «Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии», а также «поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей» [4, с. 237].

Одной из первых большевистских деклараций по национальному вопросу стало как раз категорическое неприятие идеи федерализации России. 28 марта 1917 г. в газете «Правда» И. В. Сталин заявил о «неразумности» «добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение». Федерализм в России, подчеркивал он, «не решает и не может решить национального вопроса», поскольку «для всех ясно, что области в России (окраины) связаны с центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы» [6, с. 27]. Вскоре большевистская партия одной из первых на Апрельской конференции 1917 г. четко и последовательно определила свои цели в национальной области. Сталин, излагавший на конференции ленинскую позицию, настойчиво доказывал, что «право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства» (именно в такой интерпретации прозвучал знаменитый лозунг о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения) категорически нельзя смешивать с вопросом об обязательности отделения нации в конкретной исторической ситуации. Исходить при этом большевики призывали «из интересов классовой борьбы пролетариата за социализм», а «право наций на самоопределение» есть просто фраза, без всякого определенного содержания» [4, с. 167]. Сталин высказал свою убежденность в нежелании подавляющего большинства «народностей» отделяться.

Большевики потребовали «широкой областной автономии», «отмены обязательного государственного языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения» [4, с. 169]. Одновременно была отвергнута «так называемая «культурно-национальная автономия», она была объявлена «безусловно вредной». В конечном счете в апреле 1917 г. из уст большевиков прозвучало слово «слияние». «Слияние рабочих всех национальностей России» было объявлено решающим условием «победоносной борьбы с международным капиталом и с буржуазным национализмом» [4, с. 169].

Таким образом, можно заключить, что сама идея федерализации России принадлежала не большевикам, а национальным партиям и движениям, завершившим процесс этнической мобилизации и устремившимся в условиях революционного кризиса и ослабления раздираемого

противоречиями имперского центра к отделению и независимости. Впоследствии, воссоздавая российское государство в форме советской федерации, большевики по сути удовлетворили практически единодушное требование элит бывших национальных окраин (интеграция идеолога «украинства» Грушевского в советское политическое пространство – тому доказательство) управлять своими этническими территориями, но пользоваться при этом громадными ресурсами федерального центра. Отвергая же принципы культурно-национальной автономии, большевики действовали в русле излюбленной ими стратегии «слиться с массами». Их декларация «исходить из приоритета социального, классового» с определенными оговорками была близка трудящимся. Сам лозунг «права на самоопределение (государственное отделение)» в 1917 г. носил популистский характер. Настойчивость, с которой большевики убеждали народы в необязательности «отделения» и слияния наций ради достижения социальных целей, объективно способствовала интеграционным процессам и сохранению единого российского государства. К тому же декларировался и принцип добровольности: кто не хочет оставаться в России, может отделяться. Кроме всего прочего, образование Советского Союза в форме иерархической федерации было своеобразным компромиссом между идеей построения социализма в мировых масштабах и федералистскими (в годы гражданской войны превратившимися в сепаратистские) окраинными национальными движениями бывшей Российской империи. В условиях свершившегося распада империи позиция большевиков представляется оптимальной, с точки зрения общенациональных российских интересов – спасительной.

Следует согласиться с мнением авторитетного исследователя национальных проблем А. И. Вдовина: «Советская национальная политика... определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов» [7, с. 6–7]. Популизм и прагматизм явились средствами достижения двух целей – установить доверие этносов к власти как программа-минимум и достичь межэтнического доверия как программа-максимум. Следует также высказать предположение о том, что советская национальная политика скорее всего представляла собой значимый идеологический конструкт, но отнюдь не феномен политической практики.

Именно такая политика дала основание Т. Мартину именовать Советский Союз «империей положительной деятельности». Это понятие он отнес к «советской государственной поддержке национальных территорий, языков, элит

и самоидентификации этих этнических групп» [8, с. 33]. По мнению Д. А. Амонжоловой, «единое в политическом смысле пространство власти в СССР было полиэтничным и уже поэтому многомерным в своих конкретных воплощениях. Национальная номенклатура и элита, становясь неотъемлемой частью политической системы в целом, в рамках советского национал-строительства обеспечила закрепление этничности в каркасе власти национальных республик» [9, с. 413].

Институционализация этничности на уровне организации политического пространства ярко проявилась в структуре советской иерархической федерации и создании в ее рамках национальных политических единиц четырех рангов (союзные республики, автономные республики, автономные края, автономные округа и автономные области). Социокультурное пространство Советского Союза строилось как многонациональное. За каждой этнической группой закреплялась своя собственная, отдельная от других культура. Одно из выдающихся достижений советской истории – формирование этнических культурных элит и этнических культурных институтов. Данный процесс шел не только на уровне союзных республик, но и на уровне национальных автономий, причем внутри РСФСР – активнее и эффективнее.

Представляется, что федеральный Центр твердо и последовательно проводил линию на сохранение, укрепление и развитие национальных культур. Местные органы власти в своей деятельности упор делали на решение социально-экономических вопросов, национальные проблемы практически весь советский период истории отодвигались в регионах на второй план. Национально-территориальная автономия в данном случае выступала как гарантия сохранения национальных языков и культур, в конечном счете, национальной идентичности. В этой связи интересны результаты инспекции национальных автономий РСФСР, проведенной в рамках подготовки «Положения о национальных округах» ответственными сотрудниками аппарата Верховного Совета СССР в 1952 г.

Материалы проверки Усть-Ордынского Бурят-Монгольского и Коми-Пермяцкого национальных округов свидетельствовали о том, что главным критерием при образовании автономных образований выступал фактор компактности проживания того или иного этноса на определенной территории. Так, буряты, которые квалифицировались проверяющими как самостоятельная ветвь «бурят-монгольской национальности с особым диалектом бурят-монгольского языка» [10, л. 6], проживавшие «к западу от озера Байкал» и ранее входившие в состав Бурят-Монгольской АССР, при создании Иркутской области образовали 26 сентября 1937 г. Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ.

При этом «часть территории, отошедшей от Бурят-Монгольской АССР к Иркутской области, непосредственно примыкающей к озеру Байкал и заселенной на 70–75% бурятами, не вошла в состав национального округа» [10, л. 5]. На этой территории был образован Ольхонский административный район областного подчинения. Причиной «отрыва» бурят Ольхонского района от национального округа называлось отсутствие дорог в горной местности. «Окружные» власти настаивали на включении Ольхонского района в состав национального округа, областное руководство было против [10, л. 6]. Население Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа составляло «примерно 116 тысяч человек, из которых около 50% буряты (бурят-монголы), составляющие коренное население округа». Из 120 колхозов округа 47 являлись «чисто бурятскими, а в остальных буряты составляли около 50%» [10, л. 6]. Коми-Пермяцкий национальный округ Молотовской области был образован 26 февраля 1925 г. В 1952 г. в округе проживало около 180 тыс. чел., «из которых более 63% составляли коми-пермяки» [10, л. 70].

Инспекторы из аппарата Верховного Совета СССР установили, «что вымирание коренного населения» округов «давно приостановлено, и имеется большой рост населения», однако «права национального округа настолько ограничены, что он не сохраняет и видимость законной автономии и самостоятельности» [10, л. 12]. В качестве доказательства данного положения оценивалась практика расходования средств на нужды национального округа: «Общий бюджет национального округа утверждается областным советом и окружной Совет не вправе изменить в нем ни одной статьи без разрешения областного Совета, даже если это диктуется национальными интересами» [10, л. 12]. Представители Центра легко выявили основную проблему – языковое строительство. Бурятам, отмечали они, мешает «развивать свой литературный язык» отсутствие книг (в окружной библиотеке «из 12 тысяч книг только 300 – на бурят-монгольском языке») и газет («издается только одна газета, размером в обычной конторский лист») на национальном языке, «не ставятся пьесы на национальном языке», «не ведется никакой работы по записи народных сказаний и песен» [10, л. 8].

Та же картина наблюдалась и в коми-пермяцких школах: «Существующая грамматика не отражает особенности коми-пермяцкого языка, отсутствует переводной словарь», отсутствует научный центр, «который мог бы заниматься вопросами научного изучения и совершенствования литературного национального языка» [10, л. 5]. В результате согласно выводу сотрудников аппарата высшего законодательного органа страны «судопроизводство в судах округа и делопроизводство во всех государственных учреждениях округа ведутся только на русском языке». Между

тем, констатировали проверяющие, «в правовом положении национальных округов должно учитываться, что национальный округ является не административно-территориальным, подобно административному округу, а национально-территориальным образованием, в связи с этим ему должны быть предоставлены некоторые права, характерные лишь для национального объединения» [10, л. 81].

Если центр настаивал на том, что «наличие национального округа дает возможность» бурятскому и коми-пермяцкому народам «развивать национальную по форме и социалистическую по содержанию национальную культуру», то «отдельные работники обкома и округа» считали, что национальный округ «не оправдывает своего назначения в деле руководства хозяйственно-культурным строительством в районах окружного подчинения» [10, л. 13]. Позиция Центра была категорична: «Коренное население национальных округов, равно как и другие национальности, проживающие на территории национальных округов, имеют право пользоваться родным языком во всех областях государственной и общественной жизни» [10, л. 18].

Таким образом, национально-территориальный принцип внутреннего устройства советского государства позволял сохранять и укреплять национальное разнообразие советского культурного пространства. Советская история создавала уникальную модель цивилизации, способную на протяжении своей истории «не потерять ни один язык, ни одну культуру, ни один народ». Представляется, что советская государственная конструкция, построенная на национально-территориальном принципе, позволяет квалифицировать Советский Союз как страну реального и подлинного мультикультурализма [11].

Основным пороком советской модели федерации, построенной по национально-территориальному принципу, в настоящее время объявляется «злонамеренность» либо «беспомощность» Центра в определении границ между национальными образованиями, не совпадающими с вольно трактуемыми «историческими этническими границами». Наиболее показательной в данной связи является утвердившаяся в российском информационном пространстве версия о передаче большевиками русских территорий Донбасса, Слобожанщины, Новороссии, а также история вхождения Крыма в состав Украины. На наш взгляд, навязываемый обществу дискурс может быть отнесен к вопросам, связанным с использованием и интерпретацией прошлого в современных политических контекстах. Поддерживая определенные интерпретации коллективного прошлого, представители властвующей элиты стремятся легитимировать собственную власть и оправдать принятые и принимаемые управленческие решения. В данном случае присутствует очевидное стремление представить

политику «берите суверенитета столько, сколько хотите» и сам процесс разрушения Советского Союза как естественный результат развития советской модели, построенной на национально-территориальном принципе. Зачастую сторонники идеологии «мины замедленного действия» параллельно являются яростными критиками советских идеологических практик, навязывавших социуму в целом и индивиду в частности универсальную нормативно-ценностную систему.

Изменение границ между национально-территориальными образованиями в рамках советской федерации не играло той роли, которую приписывает этому процессу сегодняшнее экспертное сообщество. Вряд ли Н. С. Хрущев был неискренен, когда утверждал: «Если вы спросите теперь русского, украинца, белоруса, является ли у них актуальным вопрос об административных границах их республик ... у большинства людей такой вопрос вызовет недоумение» [12, с. 107]. Советская федерация всегда декларировалась в духе приоритета единства, сближения, и даже слияния, над тенденциями национального обособления. Передвижка границ и «перекройка территорий», изменение или лишение (восстановление) статуса национально-территориальных образований трактовались чаще всего в категориях политической либо социально-экономической целесообразности. Советский Союз никогда не «был государством этнического апартеида, в котором все население дискриминировалось по принципу этнического происхождения» [13, с. 117]. Д. А. Аманжолова справедливо полагает, что «являясь отдельной общностью, народы СССР с собственной государственностью в иерархической федерации и без нее представляли собой и неотъемлемую часть общесоветского культурно-политического целого» [14, с. 29].

Исходя из данного заключения, передача Крыма в подчинение Украинского ЦК и Совмина отвечала «общим интересам Советского государства» потому, что «Крымская область, как известно, занимает весь Крымский полуостров и территориально примыкает к Украинской республике, являясь как бы естественным продолжением южных степей Украины. Экономика Крымской области тесно связана с экономикой Украинской республики» [15, л. 3]. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасов с данным положением был согласен: «По географическим и экономическим соображениям передача Крымской области в состав братской Украинской республики является целесообразной и отвечает общим интересам советского государства» [15, л. 2].

Через 3 года РСФСР получает своеобразную «компенсацию»: Карело-Финская ССР в апреле 1956 г. была преобразована в Карельскую АССР, а в июне была принята в состав РСФСР. Еще ранее, 24 ноября 1944 г., в состав Ленинградской

области РСФСР от Карельской ССР были переданы «Выборгский, Кексгольмский и Яский районы, расположенные на Карельском перешейке» [16, л. 8]. Основной причиной понижения статуса Карело-Финской ССР являлось малочисленность ее коренного населения: из 615 тыс. населения республики «карел и вепсов насчитывалось 110 тысяч человек, или 17,8%, финнов немногим более 13 тысяч человек, или 2,2%», а «около 80 процентов населения республики составляли другие национальности, главным образом русские» [16, л. 8]. «Нынешнее построение нашей республики в форме союзной Карело-Финской республики не соответствует национальному составу населения», полагал глава республики О. В. Куусинен. Кроме того, он заявлял, что «рост численности карельского и финского населения и в дальнейшем будет отставать от роста всего населения республики, так как всё возрастающий объем производства, особенно лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, будет требовать притока значительного количества населения в нашу республику из других братских республик Советского Союза» [16, л. 17]. Куусинен отмечал еще один немаловажный фактор при «национально-территориальном» реформировании: «Преобразование ... приведет к упрощению и удешевлению государственного аппарата. Оно позволит значительно сократить республиканский управленческий аппарат, упростить его структуру, сделать его более гибким и работоспособным» [16, л. 19].

Следует заметить, что утверждение в информационном пространстве идеологемы «Союз распался потому, что был построен по национально-территориальному принципу» появилось после того, как Российская Федерация полностью отказалась от идей коммунизма и социализма. Трансформация антисоветизма в русофобию была необходима Западу для подрыва влияния России на постсоветском пространстве. А это нельзя было достичь без обвинений России в имперских амбициях и в стремлении восстановить империю. Именно поэтому политика большевиков, направленная на всемерную (политическую, культурную, социально-экономическую, образовательную, территориальную) интеграцию этносов бывшей Российской империи в единое советское социалистическое государство была интерпретирована западными, а затем, и постсоветскими экспертами, как процесс подавления метрополией (в этом качестве «выступала» РСФСР) колоний (к ним были отнесены все советские этносы, кроме государствообразующего русского народа).

Объективные исследования о воздействии национально-территориального принципа внутреннего строения советского государства на реализацию советского проекта неизбежно приводят к выводу об уникальности, креативности и новаторском характере советской федерации. Это

давно было замечено и серьезными западными исследователями. «Империю традиционно ассоциируют с подавлением национальных идентичностей, ассимиляцией, доминированием чужеродной государственной власти над национальными меньшинствами, – пишет, в частности, авторитетный Джереми Смит – Величайший парадокс советской империи состоит в том, что долгое время она занималась обратным: подобно другим империям, она имела возможность влиять на развитие наций, но ее влияние было позитивным, способствовало нациестроительству, поощряло этнический партикуляризм и коренизацию» [17, с. 353].

Национально-территориальный принцип строительства федерации не только формировал этнонации, но и способствовал разрешению многовековых конфликтов между соседними этносами. Так, после установления советской власти территориальные споры и претензии между республиками Закавказья грозили перерасти в этноконфессиональные войны, однако ЦК РКП (б) путем создания Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) сумел эту угрозу отвести. На поддержание межнационального мира было направлено решение о сохранении статуса союзной республики за Абхазией, однако был достигнут компромисс с грузинами на предмет вхождения Абхазии в состав СССР через посредство Грузии. Сохранить в составе Грузинской ССР Южную Осетию удалось только после того, как ей предоставили статус Автономной области с центром в городе Цхинвали [18, с. 103].

Армения и Азербайджан спорили из-за Нагорного Карабаха. 4 июля 1921 г. армяне убедили Кавбюро ЦК РКП (б) передать эту территорию в состав Армянской ССР. На следующий день по настоянию Сталина Карабах передали Азербайджанской АССР, решающим фактором при этом стало обещание предоставить ему статус автономной области. Именно данное обстоятельство способствовало тому, что конфликт между армянами и азербайджанцами в НКАО удалось удерживать в латентном состоянии 70 лет, а в горячую фазу противостояние перешло в момент разрушения единого Союза [19, с. 19].

В рамках советского государства было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. Главным доказательством успешности данного проекта, реализованного большевиками, служит отсутствие сколь-нибудь серьезных территориальных споров между государствами Центральной Азии: Казахстаном, Киргизстаном, Туркменистаном, Таджикистаном и Узбекистаном. К моменту образования СССР народы многонационального региона находились на разных уровнях экономического и социально-политического развития, существовала не только национальная, но и конфессиональная

рознь (между шиитами, суннитами, исмаилитами). Ситуация усугублялась наличием большого числа национальных анклавов и сложнейшей национальной чересполосицей, особенно в Ферганской долине.

Предоставление народам Средней Азии своих собственных «национальных квартир» было осуществлено волевыми, политическими решениями советской власти. В конечном счете наиболее многочисленным этносам региона было дано право на создание союзных республик. Представляется, что самый высокий статус государственности в рамках СССР выступал в качестве фактора преодоления высокого уровня дисперсности расселения населения. Отсюда и широко применяемая тактика «национально-территориальной компенсации». Советскому правительству удалось урегулировать споры между южными казахами, узбеками, киргизами и таджиками из-за орошаемых и пастбищных земель, а также ряда городов южного Казахстана и Ферганской долины. Казахстану достались города Ак-Мечеть (Кзыл-Орда), Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата (Джамбул), зато в составе Узбекистана остались населенные кочевыми казахами земли вокруг Ташкента в Кызылкумах. Узбекистану пришлось отдать города Ош, Джалал-Абад, Узген, основное население которых составляли узбеки, Киргизии, но удалось заполучить Бухару и Самарканд. Таджикам, которые утверждали, что эти города основаны их предками, передала несколько волостей Самаркандского и Ходжентского уездов с городом Ходжентом, на который также претендовали узбеки. Национально-территориальное размежевание не устранило в полной мере национальную чересполосицу, новая национальной иерархия не решила всех проблем существования большого количества анклавов, однако остроту межнационального противостояния удалось снять практически на все время существования Советской власти [20].

Формирование территорий советских государств на западе бывшей Российской империи было осложнено огромными территориальными потерями в результате советско-польской войны 1920 г. Украинская ССР не могла включить в силу этого в свой состав не только Галицию, но и значительную часть Волыни, а территория Белорусской ССР сократилась до пяти уездов Минской губернии. В 1920 г. по условиям мирных договоров с Эстонией и Латвией РСФСР потеряла часть Петербургской и Псковской губерний. В результате советско-финского вооруженного конфликта 1918–1920 гг. за Финляндией осталась Печенга [21, с. 268]. По всей видимости, это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что Советская Россия, сообразуясь с военной, экономической, политической целесообразностью, передала часть российской территории в состав других советских республик. В 1920 г. Декретом Советской власти был утвержден особый статус

Донбасса как стратегически важного объекта. Затем Донбасс, в который вошла промышленная часть бывшей Области Войска Донского с Таганрогом и Александровым-Грушевским, был передан Украинской ССР [22, с. 28].

Тогда же развернулись острые споры в вопросе определения границ между Украиной и РСФСР. Национальный принцип размежевания применить в данном случае было сложно, поскольку во всех приграничных районах сопредельных республик исторически сформировалась сложнейшая национальная чересполосица. В ряде уездов Черниговской губернии Украины проживали белорусы и великороссы, в западных уездах Курской и Воронежской губерний значительную часть населения составляли малороссы, а в Харьковской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях (Южная и Восточная Украина) – великороссы (деление русского народа на великороссов, малороссов и белорусов – характерная черта первых советских переписей 1920 и 1923 гг.). Украинцы, как свидетельствуют материалы Комиссии по урегулированию границ между РСФСР и УССР, предлагали решать проблему своих границ за счет участков, занимаемых великороссами [23, л. 4]. Украина также требовала передать ей ряд уездов Минской и Гомельской губерний [23, л. 7]. Третью заявленную Украиной претензией Центр удовлетворил, но в 1925 г. Москва настояла на передаче РСФСР части Донбасса – Таганрогского и Шахтинского районов с городами Таганрог и Шахты. В 1926 г. большая часть Путивльского уезда Курской губернии РСФСР была в свою очередь передана УССР. В 1924 г. на правобережной Украине «по просьбе трудящихся молдавских крестьян» была образована Молдавская АССР, куда вошли Дубоссарский, Тираспольский и другие районы с преобладающим русским и украинским населением [20].

Причиной передачи в состав Белорусской ССР районов РСФСР с преобладанием белорусского населения, в 2,5 раза большей, чем территория тогдашней советской Белоруссии, было стремление Центра создать своего рода «барьерную территорию» с враждебной Польшей. Декретом ЦИК РСФСР в 1924 г. к Белоруссии было присоединено большинства уездов Витебской губернии, ряд уездов и волостей Гомельской и Смоленской губерний [24, с. 60]. В 1926 г. гипотетическая угроза Польши и настойчивые просьбы белорусского ЦК заставили Центр согласиться с передачей Речицкого и Гомельского уездов с городом Гомелем Белорусской ССР. Новозыбковский, Клинцовский, Стародубский уезды бывшей Гомельской губернии передавались в Брянскую губернию РСФСР [25]. Так была установлена современная граница между двумя государствами – Российской Федерацией и Республикой Беларусь. В силу существования

Союзного государства Россия – Беларусь никаких территориальных претензий и споров данная граница не вызывает.

Необходимо признать, что советское национально-государственное устройство категорически исключало какое-либо верховенство России. Более того, советское руководство в защите российских и национальных русских интересов усматривало проявления российского великодержавного шовинизма и имперских амбиций: в советской империи отсутствовала метрополия. Следует предположить наличие определенных этнических предпочтений в отношении Украинской ССР и Грузинской ССР.

В 1939 г. советское руководство передало Украине бывшие западные земли Российской империи, аннексированные Польшей по Рижскому миру 1921 г. «Польские восточные кресы» превратились в Западную Украину. В 1940 г. Украине была передана полученная от Румынии Северная Буковина. Центр не возразил против передачи Украине трех прибрежных районов Бессарабии в обмен на часть территории Молдавской АССР, входившей в состав УССР, с преобладающим русским и украинским населением. В 1945 г. территория Украинской ССР расширилась за счет Прикарпатской Руси, полученной Советским Союзом по договору с Чехословакией, а в 1954 г. Центр санкционировал передачу Украине Крыма. Впрочем, в эскалации современного российско-украинского конфликта дестабилизирующую роль сыграл не национально-территориальный принцип и даже не ошибки советского руководства при решении этно-территориальных проблем, а устремленность позднесоветских элит интегрироваться в западный мир, категорически исключая применительно к исследуемой проблеме сам принцип национального суверенитета.

Доказательством жизнеспособности и перспективности национально-государственного устройства советской федерации служат события в Грузии. Несмотря на то, что советское руководство «принудило» Абхазскую ССР согласиться на статус автономии в составе Грузинской ССР и препятствовало объединению осетин Грузии и России, национальный мир в этом сложном регионе сохранялся вплоть до момента разрушения советского государства. Статус автономной республики и автономной области в составе союзной республики, где негласно действовал принцип приоритета «титulyного» этноса, давал абхазам и осетинам возможность сохранять и укреплять свою национальную идентичность. Национально-территориальный принцип и этнические границы позволили им создать свои независимые государства в ответ на решение русофобской грузинской элиты во главе с З. Гамсахурдия перейти от советской модели государственного устройства к политической конструкции по образцу Конституции

1920 г., исключавшей какую-либо автономию абхазов и осетин.

Главным противоречием советского национально-государственного устройства стал как раз категорический отказ от проекции советского национально-государственного устройства национальными элитами союзных республик на территории «своих суверенных», как они считали, государств. Исключение в данном ряду одно – Россия, исторические границы которой были существенно урезаны, но все уровни национальной автономии входящих в ее состав этносов были представлены. Компенсацией в данном случае выступало стремление советского руководства к максимальной интернационализации советского населения – за пределами РСФСР к 1991 г. проживало не менее 27 млн этнических русских. В качестве обратного примера выступал Казахстан, властвующая национальная элита которого сумела отвергнуть все попытки советского руководства утвердить на его территории «классическую» советскую систему национально-государственного устройства. После того, как в июле 1930 г. из состава Казахской АССР была выведена Кара-Калпакская автономная область, в республике не удалось ни одному «нетитульному» этносу образовать свою национально-территориальную автономию. При этом «титulyный этнос» представлял в республике «этническое меньшинство» – по переписи 1979 г. казахи составляли 36,02%, в 1989 г. – 39,69% населения Казахской ССР [26].

Казахскому руководству удалось отстоять «территориальное единство» республики в истории с попыткой образования Целинной союзной республики, ценой волнений на национальной почве не дать образовать Немецкую автономную область с центром в Ерментау [12, с. 134–136], проигнорировать требование дунган и курдов на создание своей национально-территориальной автономии. «Антиавтономистская программа» наиболее четко была сформулирована аппаратчиком из Верховного Совета Казахской ССР Т. С. Джилтировым в период перестройки. «Коренное население», – писал Джилтиров, – «не поймет, когда на лучших землях Казахстана будут возникать немецкие, курдские, татарские, тюркские автономные районы и области». «Создание национальных автономий», указывал чиновник, «может привести к постепенному вытеснению коренных жителей в отдаленные пустынные необжитые просторы Казахстана» [27, л. 2]. Признавая целесообразность и законность идеи «двойного суверенитета» на общесоюзном уровне, этноэлиты категорически отвергали эту идею в «своих» республиках. Данный парадокс советской национальной политики в полной мере обнаружится после распада государства; в рамках единого государства в форме иерархической федерации этнократические устремления

элит советскому руководству вплоть до конца 1980-х гг. удалось сдержать и подавить.

Таким образом, национально-территориальный принцип внутреннего устройства советского государства устранял одно из декларируемых западными и постсоветскими экспертами якобы фундаментальных противоречий советской национальной политики, заключающихся, по их мнению, в феномене советского народа как новой исторической общности. Будучи ориентированной на создание гражданской политической нации (собственно, это явление скрывалось под лозунгом «сближение и слияние наций при социализме» и идеологемами «сверхнациональное сообщество» либо «суперэтнос») советская национальная политика создавала и укрепляла этнонации. Национально-территориальный принцип выступал средством создания, объединения и скрепления составных частей (этнонаций) в единое целое – новую историческую общность советский народ. Собственно, эту же роль сегодняшнее федеративное устройство России при всей ее асимметричности и исполняет, объединяя в «российскую нацию», сохраняя и оберегая национальную идентичность всех ее народов.

Список литературы

1. Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах / отв. ред. В. А. Тишков. М. : Наука, 1994. С. 9–32.
2. 100 лет СССР: четыре «имперские ловушки и “бомба замедленного действия”». URL: <https://daily.hse.ru/post/100-let-sssr-chetyre-imperskie-lovushki-i-bomba-zamedlennogo-deystviya-sovetskogo-proekta> (дата обращения: 20.05.2024).
3. Дюков А. Р. Советская система этнотерриториального устройства как фактор дезинтеграции СССР в эпоху перестройки // Советский опыт: взгляд из XXI века (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик) : сборник статей / гл. ред. А. А. Коваленя. М. : Фонд «Историческая память», 2023. С. 396–432.
4. Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: документы и материалы : учебное пособие / сост., автор введения и ред. И. В. Нам. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Издательство Томского университета, 2016. 256 с.
5. Пожигайло П. А. Столыпинская программа преобразования России, 1906–1911. М. : РОССПЭН, 2007. 240 с.
6. Сталин И. В. Против федерализма // Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. Т. 3. М. : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 23–31.
7. Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2002. № 3. С. 3–54.
8. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 гг. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 662 с.
9. Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность, 1920–1930-е гг. М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523 (Верховный совет СССР. 1937–1989). Оп. 58. Д. 1033.
11. Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 38–47.
12. Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 годы): от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2017. 196 с.
13. Амрекулов Н. А., Масанов Н. Э. Казахстан между прошлым и будущим. Алматы : МГП Берен, 1994. 205 с.
14. Аманжолова Д. А. Советская национальная политика и советский народ: некоторые вопросы историографии // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ, 30 ноября – 1 декабря 2021 г.) : сборник / под ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь : АО «ИПП “Уральский рабочий”», 2022. С. 20–34.
15. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 58. Д. 1316.
16. ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 353.
17. Смит Дж. Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 353–374.
18. История Абхазской АССР. 1917–1937 / отв. ред. Г. А. Дзидзария. Сухуми : Алашара, 1983. 390 с.
19. Бибилова О. П. Геополитика и кровь Карабаха // Азия и Африка сегодня. 1994. № 12. С. 18–34.
20. Дьякова Н. Территории постсоветских республик: от истории к современности. URL: file:///C:/Users/user/Desktop/NDJA_territory.pdf (дата обращения: 20.05.2024).
21. Мирный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Республикой // Документы внешней политики СССР : в 26 т. Т. 3 / гл. ред. 3-го т. Г. А. Белов. М. : Госполитиздат, 1959. С. 265–282.
22. Постановление Совета Труда и Оборона о милитаризации угольной промышленности // Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 8. / ред. кол. 8-го т. Ю. А. Ахапкин, С. Н. Валк, И. В. Загоскина, Г. Д. Обичкин, П. А. Родионов, А. А. Соловьев,

- Г. А. Трукан, В. П. Шерстобитов. М. : Политиздат, 1976. С. 28–30.
23. ГАРФ. Ф. Р-6892 (Комиссия Центрального исполнительного комитета СССР по районированию. 1923–1928). Оп. 1. Д. 11.
24. *Елизаров С. А.* Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.). Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 222 с.
25. *Гронский А.* Советская национально-территориальная политика на примере укрупнения БССР в 1926 г. URL: https://ruskline.ru/opp/2023/11/03/sovetskaya_nacionalnoterritorialnaya_politika_na_primere_ukrupneniya_bssr_v_1926g (дата обращения: 20.05.2024).
26. Этническая демография Казахстана. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9bc49c5f-665eac92-01fd5ba1-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Ethnic_demography_of_Kazakhstan#History (дата обращения: 20.05.2024).
27. ГАРФ. Ф. Р-9654 (Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет и их органы). Оп. 10. Д. 103.

Поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 28.06.2024